

Святые

ДВЕ РАДУГИ В ВИДЕ КРЕСТА

Помянул священномученика в далёком таёжном селе и наш корреспондент

Утро золотой осени. Какое-то божественное умиротворение разлилось в природе. Вдоль дороги то и дело вспыхивают на солнце золотые купола берёз. Они отражаются в зеркальных водах Вычегды и встречающихся таёжных речках. Приближаясь к Усть-Куломскому району, всё чаще ныряем в полоски тумана, разливающегося над дорогой из низинных болотистых мест. И наконец, въезжаем в сплошную пелену тумана.

Образ
Димитрия
Спасского,
неписанный
местным
художником

Наш путь лежит в далёкое село Помоздино на Верхней Вычегде, чтобы почтить память священномученика Дмитрия Спасского. Сегодня как раз память его гибели – 19 сентября 1918 года без суда и следствия он был расстрелян отрядом комиссара М. Мандельбаума. В машине – новая икона святого, точнее, множество распечатанных с неё копий – для раздачи верующим. Их везёт внук священномученика Феликс Григорьевич Карманов.

В Помоздино к часовне Дмитрия Спасского мы приехали одновременно с монахами Ульяновского монастыря. За водосвятным молебном туман начинает рассеиваться, и, когда звучало величание святому, всё кругом уже играло солнечными бликами.

Господь призвал к подвигу о.Дмитрия Спасского в возрасте сорока одного года. Батюшка служил в Спасской церкви села Усть-Нем, когда сюда на пароходе «Доброжелатель» прибыл отряд Мандельбаума. Чёрная слава о его бесчинствах катилась впереди них: грабя всех подряд, они топили в крови и слезах все сёла на своем пути. Вооружённые представители власти большевиков явились в храм, когда о.Дмитрий во время проповеди утешал своих прихожан. Коми языка красноармейцы не понимали, но к чему придраться, нашли сразу: почему, мол, он не встречает представителей власти колокольным звоном?!

Только успел о.Дмитрий зайти домой, как в дверь постучались и, не дождавшись ответа, ворвались несколько вооруженных людей. Всё перевернули вверх дном, ища золото. Но единственной ценностью были четверо маленьких детей, самой старшей из которых – Галине – исполнилось восемь. Дети заплакали. Ничего не найдя, солдаты забрали о.Дмитрия с собой на допрос. «Бог вас не оставит» – такими были последние слова священника, адресованные матушке Анне и детишкам.

Так начался четырёхдневный крестный путь о.Дмитрия. Через несколько дней пыток его повели на пароход. И на нем, сменяя друг друга, пьяные изуверы били батюшку, пока «Доброжелатель» добирался до д.Вольдино. И ещё 19 километров измученному отцу Дмитрию пришлось идти пешком до местечка Подора, где его заставили выкопать для себя могилу, а потом расстреляли, наспех присыпав тело песком. Непрекращающийся дождь обнажил кисть руки батюшки. По ней могилу быстро нашли местные

крестьяне, и на третий день матушка Анна вместе с добровольными помощниками перевезла на лошади тело мужа в Помоздино, где после отпевания в Успенской церкви о.Александром Тюрниным его похоронили на местном церковном кладбище. На могилке установили крест, только побоялись написать имя. После войны кладбище было снесено, на месте могилок построили дома. Теперь это центр села. А могила о.Дмитрия оказалась под зданием местной школы.

Туда-то мы и направляемся после молебна крестным ходом. Совсем немногочисленной нашей процессии встречные сельчане отдают поклоны и крестятся, здороваясь со всеми. В том числе со мной. Не скажу за остальных, но я первый раз в Помоздино и никого из местных жителей не знаю. Отмечаю для себя, что Помоздино – село чистое, словно каждое утро улицы подметают метёлками. Приблизительно так оно и есть, и главные санитары – это школьники. Дома добротные, ухоженные. Люди приветливые.

Около креста, установленного пять лет назад вблизи дальнего угла школы, под которым и находятся мощи, священники снова служат молебен мученику. Иеромонах Афанасий (Югин) просит называть имена всех крестоходцев, чтобы за каждого попросить благословенного заступничества святого. В руках при абсолютном безветрии высоким пламенем горят свечи.

С соседних берёз на головы молящихся сыплется золото листьев. Отец Афанасий окропляет крест и всех

собравшихся святой водой. «Ну, слава Богу, вот вроде бы всё и совершили, – как-то просто говорит он. – Теперь можно прикладываться ко кресту». Все подходят, прикладываются, целуют фотографию мученика. Совсем как у обыкновенного мирянина на могилке.

Феликс Григорьевич просит сфотографировать его на память возле креста, на котором – имя его деда. Именно он в настоящее время больше всех из родственников делает для прославления своего деда. Ещё работая в Помоздинском сельсовете, он по делам службы часто бывал в местечке Подора, когда там ещё жили люди, и от них он узнал точное место расстрела о.Дмитрия, тайно приходил туда. В феврале 1992 года, вместе со своим зятем Юрием Спиридоновым, они установили на месте расстрела крест. Стараниями Феликса Григорьевича это безлюдное место, заросшее деревьями, сейчас облагорожено. Установлен новый крест, около которого расчищена площадка, всё вокруг обнесено оградой. Сюда из Помоздино, а это около 26 километров, пять лет назад был совершён первый крестный ход, который должен был стать ежегодным. Два года назад в нём приняло участие уже около 50 человек, а в этом году из-за малочисленности участников и трудности дороги решено было его не проводить.

Феликс Георгиевич
Карманов возле креста

Три года назад, опять же по инициативе Феликса

Григорьевича и главным образом на его средства, в Помоздино начато строительство храма в честь Дмитрия Спасского. Деревянный храм строится рядом со старинной Успенской церковью, у подножия храмового холма. Сейчас он поднят до крыши. На будущий год, к 90-летию памяти священномученика, планируется его достроить и освятить.

Село хоть и большое по северным меркам (около трёх тысяч жителей), но храма здесь сегодня нет. Хотя высокая колокольня видна задолго до въезда в село, в стенах старинной церкви до сих пор располагается маслозавод. В 1999 году монах Ульяновского монастыря Георгий (Шаков) увидел над церковью две радуги, которые были расположены не одна над другой, как это обычно бывает, а пересекали друг друга в виде креста. Удивившись столь необычному знамению, о.Георгий подумал, что храм скоро начнут восстанавливать. И действительно, после этого в Помоздино зарегистрировалась православная община, люди стали собираться на богослужения. Для совместных молитв им выделили просторное здание бывшего комбината бытового обслуживания, в котором, помимо молитвенной комнаты, сейчас оборудована и церковная мастерская. Вот только храм, над которым просияла крестовая радуга, по-видимому, так и останется маслобойней. Беда в том, что в Помоздино до сих пор нет своего священника. В советское время в этот дальний угол империи ссылались священнослужители со всей страны, и на единицу местного населения здесь их, наверное, было больше, чем где бы то ни было. А теперь по воскресеньям человека три-четыре собираются на совместные молитвы, сами читают акафисты. Спрашиваю казначея общины Антонину Размыслову: отчего в этом году народу так мало на крестный ход пришло? «Так день хороший выдался, люди картошку копают». Вообще-то, как я успел заметить, картошка у многих давно уже выкопана. Народ слоняется

по улицам праздно, а мужики, известное дело, в сильном подпитии.

– Может быть, просто верующих мало?

– У нас секта Иеговы как раковая опухоль растёт, и американцы свою веру насаждают. Ходят по садикам с разрешения заведующих, для них все двери открыты.

– Что за американцы?

Крест на
месте, где
будет
построен
новый храм

– Те, что у нас в соседнем селе Дон живут. Конечно, не они сами ходят, а их последователи. Из райцентра к нам одна женщина своих проповедников направляет. Они по школам ходят, каждому школьнику по десять рублей дают, чтобы к ним потом обращались. В садики их на праздники приглашают. Пригласили как-то на празднование дня рождения, они все вместе взялись за руки и стали свои молитвы читать – потом у одной женщины больше недели голова болела.

Я поразился такой ситуации. Каких-то два американца, поселившиеся в селе Дон, обратили в свою протестантскую веру весь Усть-Куломский район, а в это же самое время множество наших батюшек и монахов из Ульяновского монастыря, живущих в этом же районе, не способны им

никак противостоять.

– Почему же у вас американцы проповедуют? – удивляюсь я.

– А что мы можем сделать? – говорит Антонина. – Это усть-куломские власти виноваты...

* * *

История Помоздино богата знаменательными событиями. Село образовано староверами в XVII веке, которые уходили вверх по Вычегде от преследований властей. Отсюда многие потом переходили через Уральские горы в Сибирь, поскольку дорога проходила именно тут. Теперь здесь староверов уже не осталось.

В гражданскую войну в доме купца Иезекиля Порошкина, в котором ныне находится музей, располагался штаб колчаковской армии. Вокруг села шли бои, и до сих пор видны многочисленные окопы. Да и само село наполовину было за красных, а наполовину – за белых. Рассказывая об этом периоде, директор местного краеведческого музея Александр Шеберев говорит: «Ещё долго после этих боёв наши деды и прадеды хватали друг друга за бороды и кричали: «Ах, гад, ты за красных, а ты, такой-сякой, за белых!» В доме, где сейчас располагается музей, состоялся последний допрос главного героя гражданской войны в Коми Домны Каликовой. Отсюда в 1919 году офицеры Белой армии выволокли её на берег Вычегды и расстреляли. Вот исторический парадокс: место пыток и расстрела Домны Каликовой и могила священномученика Дмитрия Спасского сегодня находятся недалеко друг от друга. В чём различие их подвига, современные дети не понимают. «Нашим ребятишкам уже не понятно, за какую идею они сражались и погибали, – говорит Александр Васильевич. – Спрашивают у меня: а кто такие были большевики? Точно так же они не понимают, как можно умереть за Христа. Вот и к сектантам дети примыкают больше потому, что можно

получить червонец на халяву...»

Напоследок Александр Васильевич подводит нас к уцелевшему колоколу со старой колокольни, который ждёт своего часа, чтобы снова огласить окрестности радостным благовестом. Дождётся ли?

Е. СУВОРОВ
Фото автора

На высоком берегу

*19 сентября все родственники св. Всеволода
Потеминского
соберутся в с. Семуково, чтобы вместе порадоваться
прославлению мученика в его родном храме*

Все-таки удивительным образом Господь прославляет Своих угодников. Лет пять назад к нам в редакцию пришел очень вежливый пожилой человек и попросил написать о своем дедушке – священнике Николаевской церкви села Семуково Усть-Вымского района отце Всеволоде Потеминском. К сожалению, особых подробностей о жизни и смерти своего деда Юрий Антонович не знал. Отец Всеволод был расстрелян 19 сентября 1937 года, но перед этим он, спасая своих детей, попросил их разъехаться из села по разным уголкам страны.

Долгое время внуки о. Всеволода даже не знали, что их дед – священник, родители это скрывали. Лишь на склоне своих лет Юрий Антонович добился разрешения посмотреть его дело в архивах ФСБ. То, что он прочитал, потрясло его до глубины души.

Формально осужденный тройкой НКВД по ложному доносу по ст. 58-10 ч. 1, В.И. Потеминский обвинялся в «контрреволюционной деятельности, направленной против советской власти»; в распространении «провокационных слухов о войне и падении советской власти»; а также в том, что «проводил подготовку к выборам в Советы, выставлял кандидатуры из числа контрреволюционных элементов и агитировал среди населения за поддержку этих

кандидатур».

Однако, внимательно прочитав материалы дела, Юрий Антонович никакого преступления со стороны своего деда не обнаружил. Наоборот, за его ответами он увидел человека порядочного, честного и смелого, не боящегося отстаивать свою веру в Христа и интересы Церкви. Как человек верующий и радеющий за сохранение сельской церкви, он разъяснял прихожанам, что новая Конституция разрешает выдвигать в Советы не только коммунистов, но и других граждан. Поэтому и просил выдвинуть в Семуковский сельсовет Одинцова, «который не только является хорошим человеком, но и умеет хлопотать за церковь».

А вот со стороны судей Юрий Антонович увидел по-настоящему преступные действия. Наскоро было состряпано дело против честного священника, без соблюдения каких-либо юридических норм, был приговорен к расстрелу совершенно невинный человек.

К сожалению, фактов, которые сообщил мне Юрий Антонович, было не достаточно для статьи, и я попытался вернуть ему документы и бумаги, которые он принес. «Возьмите, сохраните для ваших потомков. Эти документы должны храниться как семейная реликвия», – убеждал я его. Но мой собеседник был неумолим:

– У вас они лучше сохранятся. Передайте в музей, который откроется в епархии.

– Так нет же никакого музея?..

В конце концов материалы остались у меня... А сразу же после церковного прославления отца Всеволода, которое состоялось 1 октября прошлого года, самые разные люди стали предлагать мне поехать в Семуково, где служил мученик, чтобы написать о нем и о нынешнем настоятеле –

иеромонахе Тите.

* * *

В умирающей сейчас деревне о.Тит восстанавливает из запустения поруганный Николаевский храм, в котором служил последние тридцать четыре года своей жизни мученик Всеволод. Что-то не пускало меня к ним. Доходило до того, что однажды знакомые искали меня по всему городу, чтобы на машине отвезти в Семуково. В другой раз один человек, заручившись моим согласием на поездку, купил для меня автобусный билет до Семуково, чтобы вместе поехать. Но, видно, время тогда еще не подошло.

От Сыктывкара до Семуково всего час езды. Село расположено недалеко от Усть-Вымского монастыря на другой стороне Вычегды, напротив села Айкино. Добраться до него можно только паромом, который ходит три раза в день. Я всего этого не знал и зашел в Айкино в Свято-Преображенский храм к о.Варфоломею разведать дорогу.

Он объяснил, что следующий паром идет только в два часа от деревни Тыдор. Так что время у меня еще есть и можно зайти к нему в гости. Молодой скромный инок. В Айкино он служит только полгода. Заходим с ним вместе в келию старца Феогноста. В ней все по-другому – кажется, уже ничто не напоминает о светлом старце. Но в иконостасе на аналое – все тот же простой деревянный крест, который был здесь и при схимнике. Слава Богу, что молитва в этих стенах продолжается. «А почему вы в доме не живете? У вас же здесь целых два дома», – спрашиваю у настоятеля. «Мне и здесь хорошо. А дома пока что пустуют. Зимой переберусь в избу, потому что если ее не топить, картошка в подполье замерзнет. А пока ни к чему».

Когда Усть-Вымский монастырь только открывался, вся братия жила здесь – в Айкино. Жизнь бурлила. В храме тогда мироточили две иконы: Нерукотворного Образа и Владимирской Божией Матери. Чудеса исцелений от них

записывались в специальную тетрадку. «Иконы-то сейчас мироточат?» – интересуюсь у батюшки. «Нет, не мироточат. А вот Плащаница благоухает». – «А можно в храм зайти?» – «Пойдемте».

В храме стоит приятный запах от ладана и восковых свеч. Прикладываемся к чудотворным иконам. Струйки чудотворного масла на них засохли подтеками. Владимирская икона вся в тоненьких потеках. «А известно ли, откуда эта икона?» – спрашиваю я. «Мне батюшки говорили, что с Афона». – «Да ну, не может быть. Как ее, такую большую, могли привезти сюда? Письмо-то похоже на кылтовское. Может, кылтовские монахини писали?» – «Вот этого я не знаю». В разных храмах Коми, особенно в Усть-Вымском и Княжпогостских районах, мне раньше попадались кылтовские иконы. Там до 24-го года была своя мастерская. Это недалеко отсюда, в нескольких километрах от Айкино.

Отец Варфоломей – монах Ульяновского монастыря. Сам родом из Инты. Там у него остались мама с сестрой. Постриг принял в Великий пост в 98-м году. В келье, в иконостасе, я заметил у него несколько икон батюшки Серафима Саровского. «Почему у вас столько икон преподобного?» – поинтересовался у священника. «Я его почитаю очень. Обращаюсь к нему за молитвенной помощью. Так получилось, что сразу же после рукоположения во священники владыка направил меня сопровождать группу паломников на епархиальном автобусе в Дивеево. Эта поездка для меня была как награда. Перед постригом я терпел сильные искушения. И вот на Пасху поехал к преподобному и приложил к мощам батюшки Серафима крест наперстный. У меня его уже дважды воровали. Один раз сатанисты унесли из интинского храма вместе с церковной утварью. Я благоговейно молился батюшке Серафиму, чтобы нашелся

крест, я очень им дорожу. Слава Богу, все сыскалось.

В другой раз крест лежал в моем портфеле в машине о.Олега из Ухты. Вместе с машиной его и украли. И снова я молился батюшке Серафиму. И что вы думаете? Крест подбросили вместе с украденными вещами, а машину о.Олега так и не нашли».

* * *

Попрощавшись с о.Варфоломеем, я отправился в Тыдор. Смотрел, как паромщики прямо с палубы таскают на удочку мелкую рыбешку. Рыбаки в лодках проверяют на реке сети. День выдался погожим. Мальки косяками сновали по поверхности воды. А Семуково с храмом в конце деревни возвышалось на высоком берегу Вычегды.

Но вот наконец-то паром медленно отчалил. Река в этом месте широкая. Мы проплываем мимо живописных островов и причаливаем в трех километрах ниже по течению. Между причалом и Семуково расположена еще одна деревня, Кырс, в которой сохранилась старинная деревянная часовня с колокольней. Возле нее местные жители готовят срубы под баньки и сараи. Как оказалось, она тоже названа в честь Николая Чудотворца. Чуть ниже расположена деревня Заречье, в которой сохранилась еще одна Никольская часовня. Видно, местные жители очень сильно почитали Николая Угодника. Это и не случайно. Деревни расположены на берегу реки, в основном все жители занимались рыболовством, а к кому еще обращаться на реке за помощью, как не к покровителю рыбаков и мореходов. Да и сейчас, как видно, местные жители рыбный промысел не оставили. Почти около каждого дома лежит лодка.

От Кырса идет долгий подъем в гору, все выше и выше до самого храма. Он открывается внезапно из-за домов, за поворотом дороги. С него снесены купола, нет колокольни, но все равно это самое красивое здание на селе. В

церковной ограде множество цветов. Рядом с церковью уже стараниями современных прихожан обустроены небольшое помещение трапезной, колодец, церковный домик. На церковных грядках копаются женщины.

«Скажите, батюшка в храме?» – спрашиваю у них. «Да, в храме». Трижды перекрестившись на икону Николая Угодника, захожу вовнутрь. «Здравствуй, здравствуй, – благословляет меня о.Тит. – А тебя к нам какими судьбами занесло?»

Отдаю о.Титу переданные через меня от духовных чад батюшки подарки: иерусалимское масло, ладан, посылку от игумена Трифона из Антониево-Сийского монастыря. Несмотря на такую отдаленность от города, о.Тит снискал признание среди верующих Сыктывкара. Приезжают к нему и из других мест, уважая как строгого исповедника, помогающего избавиться от грехов и разобраться в своей,

иногда очень запутанной, жизни. Несколько человек так к отцу Титу прилепились, что расставаться с ним не хотят. Когда перевели его из Айкино в Семуково, последовали за ним на этот отдаленный и беднейший приход.

Последнее время даже не было ладана для служб.

Но Господь помогает. Несмотря ни на что, удалось батюшке восстановить поруганный храм, богато украсить его образами, среди которых немало старинных, намоленных. Все чисто, везде порядок. А он думает архитекторов просить подготовить проект восстановления куполов и колокольни, чтобы все как раньше было, до прихода безбожников.

* * *

После революции семуковские коммунисты долго подбирались к храму. Судили о.Всеволода четыре раза: в 1928, 1934, 1936 и 1937 годах. Но каждый раз он

возвращался на свой приход. Один Бог знает, что пережил батюшка за те годы, когда насмерть стоял за храм.

Рассматриваю фотографии священномученика. По ним хотя бы отчасти можно проследить его духовное восхождение до принятия им мученического венца. Вот он с маленькими детьми: высокий, полный, пышущий здоровьем. У о.Всеволода и матушки Агнии было шестеро детей. А вот фотография, где они с матушкой возле своего дома, расположенного рядом с храмом, уже со взрослыми детьми. Здесь он весь седой, осунувшийся, с доброй улыбкой и мудрыми лучистыми глазами. А вот снимки, сделанные с негативов, обнаруженных совсем недавно внучкой о.Всеволода Амалией в семейном архиве ее отца Анатолия Всеволодовича. Здесь о.Всеволод запечатлен перед самой гибелью: мудрый старец, сполна хлебнувший горя. Сократовский лоб, страдальческие, печальные глаза, длинная седая борода.

Господь сохранил дом священника. Он также стоит около церкви и помнит тепло его семьи. Кажется, даже сами стены пропитались теми миром и любовью, которые царили в

семье священника. Отец Всеволод воспитал замечательных детей. Четверо из них стали учителями: дочери Августина, Нина, Варвара и

сын Анатолий пошли по стопам своего отца и воспитали не одно поколение благодарных им учеников. После окончания Вологодской семинарии всю жизнь о.Всеволод

посвятил не только делу служения Богу и ближним, но и образованию детей. С 1891 года по 1900 год он учителем при Симоноволонской школе Устюжского уезда. С 1903 года, после перевода в Коми в с.Семуково, становится законоучителем в местной народной школе. С 1910 года преподавал в начальной школе с.Кырс. После расстрела священника его дочь Нина, единственная из детей оставшаяся в Семуково, продолжила дело отца – учила детей.

Отец Всеволод был разносторонне образованным человеком. В семье священника была большая библиотека. Книги разделялись по темам. Интересовался батюшка и агрономией, по которой собрал множество книг. Очень любил природу. Дети вспоминали, что каждый раз, заходя в лес, он здоровался с ним. Эта любовь так привилась его детям, что сын батюшки Симон впоследствии стал известным агрономом.

Когда начались гонения на Церковь, отца Всеволода выгнали из церковного дома. Священник не отчаялся, а поселился со своим многочисленным семейством в ветхой пустующей лачуге. Обустроил ее и продолжал служить, пока его не убили.

Авторитет отца Всеволода был непререкаем. Добрую память он оставил о себе у местных жителей. Однажды выдавали замуж девушку из бедной семьи. Рано утром бесприданница нашла на окне мешочек с деньгами – помощь о.Всеволода. Такое народом не забывается. Несколько раз люди вставали на защиту любимого батюшки.

Чекисты, опасаясь, что селяне с ними расправятся, арестовали батюшку обманом: вызвали якобы на крестины, с которых священник уже не вернулся. Отец Всеволод догадывался, что его хотят заманить, какая участь его ждет, но ничего никому не сказал. Только тепло попрощался с

матушкой и дочерью и ушел навсегда... Его арестовали 7 августа 1937 года, привезли в сыктывкарскую тюрьму. Начались допросы, было сфабриковано дело. А 19 сентября в районе Верхнего Чова батюшку расстреляли.

Матушка Агния ждала его всю жизнь. Она прожила 102 года. В их доме сразу после ареста о.Всеволода начались обыски, но матушка с дочерью попытались сохранить все его вещи. Прятали иконы, даже кабинет священника, расположенный между жилыми комнатами, попытались укрыть от глаз посторонних, убереечь от поругания память о любимом человеке. Дверь в кабинет заколотили досками, замаскировав под стену. Под спудом пребывала и память о нем, чтоб ныне просиять нам – нынешним христианам.

* * *

Объясняю о.Титу цель своего приезда.

– И надолго ты к нам?

– Ну, если благословите, до завтра побуду.

– А у нас и света нет, при свечах живем.

– Ну, ничего, я и при свечах поживу. И часто у вас такое бывает?

– Да, бывает. Деревня есть деревня. Зимой и осенью чаще сидим без света. Все ломается. Электрики в Айкино, за рекой. Не спешат к нам приезжать.

– А сколько человек живет в Семуково?

– Человек пятьдесят, зимой и того меньше. В церковь приходят только по праздникам. Порой на службе только наши стоят.

«Наши» – это те, кто постоянно проживает вместе с о.Титом. В мой приезд из духовных чад о.Тита при храме жили три матушки да еще послушник Владимир. Такая небольшая монашеская обитель.

«19 сентября, в день памяти Всеволода Потеминского, у нас в храме будет его прославление», – говорит о.Тит. «Да? – удивляюсь я. – И как все это будет?»»

«Ничего помпезного мы не намечаем. На все воля Божия. Восемнадцатого вечерняя служба будет, а девятнадцатого – утренняя литургия в честь святого. С иконой мученика крестным ходом пройдем».

Икону святого Всеволода для церкви написал его правнук Михаил Цыбенко, сын Юрия Антоновича, о котором я уже вспоминал в начале материала. Кроме этого образа, он написал для семуковского храма еще несколько других икон. Живет Михаил неподалеку – в Айкино.

* * *

Когда я вернулся в Сыктывкар, то позвонил краеведу Анне Георгиевне Малахиной, занимающейся репрессированными священниками, чтобы побольше узнать о священномученике. Тут-то и напомнила она мне о Юрии Антоновиче, который когда-то, лет пять назад, заходил в редакцию «Веры» с просьбой рассказать о своем деде.

– Что с ним, Юрием Антоновичем? – спросил я, припоминая давнюю встречу и его бумаги, завернутые в полинявшую от времени газету.

– Нет его, умер. Сразу же после того, как передал тебе все материалы, – ответила Анна Георгиевна.

Документы, оставленные им, нашел я в своем старом рабочем столе. Стал перебирать и только тогда понял, какими уникальными материалами располагаю. Среди прочего здесь были фотографии батюшки и письма с фронта его сына Анатолия. Эти скромные треугольнички писались им в самых разных условиях, чаще простым карандашом. Почерк на некоторых из них неразборчивый, стремительный. А вот письмо с ровным красивым почерком, написанное после ранения из ленинградского госпиталя, своему плямяннику Юре, тому самому моему гостю – Юрию Антоновичу Цыбенко:

«Здравствуй, Юрик! Получил твое письмо, за которое большое спасибо. Хорошо, если бы больше написал о

Марусе, долго ли она была у вас и какого приехала? А то от нее была только телеграмма еще из Усть-Усы, а писем не было. Беспокоюсь о здоровье бабушки, но, к сожалению, ничем не в состоянии сейчас помочь. Мне уже Симон писал о вас и вообще о вашей жизни. Я пока нахожусь все еще в госпитале, на следующей неделе, а то и раньше должен выписаться, а там как и что будет – кто его знает. От Симона получил второе письмо. Лариса частенько навещает меня, вспоминаем вас всех, она учится и работает, живет так ничего. Ну вот пока и все. Буду жив – буду извещать о себе. Расту большим, здоровым, умным. Слушайся маму и бабушку, помогай бабушке в чем можешь. Она хорошая, добрая. Передай маме и бабушке от меня привет. С приветом, твой дядя Тося. 4-VIII-44 г».

Любовью и теплом веет от этих писем. Своего племянника он называет ласково – «Юрик», «Юрко». Каждое письмо Анатолий заканчивает одними и теми же словами: «Буду жив – буду извещать о себе». Но вот последнее письмо, написанное незадолго до гибели (а погиб он 15 августа 1945 года в Маньчжурии), Анатолий, предчувствуя смерть, заканчивает так: «...Вот от Маруси не могу никак получить письма. Не знаю, дождусь ли, ибо наша жизнь такова, сегодня жив и здоров, а за завтрашний день ничего не знаешь, что случится. Может, это и странным покажется, но это так. Если сейчас не понимаете, то погода поймете... Привет маме и бабушке. Желаю всем вам здоровья, счастья и радостей в жизни и успехов в работе. С приветом, Анатолий. 6.08.45 г».

В то время, когда я ездил в Семуково, журналистка «Республики» Анна Сивкова в своем семейном архиве на Удоре нашла фотографию Анатолия Всеволодовича, датированную 1931 годом. Нашла она ее именно 15 августа – в день, когда он был убит. Там, на Удоре, он учительствовал, оставил о себе добрую память среди

местных жителей.

Как и отец, дети батюшки сеяли доброе, разумное, вечное. К сожалению, никого из них уже сейчас нет в живых. Но частицу своего сердца и души эти люди передали дальше – внукам и правнукам отца Всеволода. Неожиданными путями они приходили к вере. Многие раньше не догадывались о существовании друг друга. Пока спустя 65 лет после смерти не собрал их святой на свое прославление в кафедральном соборе г.Сыктывкара.

Радуйся священномучениче Всеволоде, добрый пастырь стада Христова!

Е.СУВОРОВ

Фото автора и из архива Ю.А.Цыбенко

ВАЖГОРТСКИЕ МАРГАРИТКИ

*9 февраля – Собор новомучеников и исповедников
Российских*

В этот день мы молимся тем, кто пострадал за веру. Среди них есть и мой дедушка...

Родился мой дедушка, Михаил Петрович Ерогодский, в 1878 году в Важгорте – это в Коми крае, недалеко от границы с архангельской землей. Был он сыном местного псаломщика и, когда тот заболел, исправлял его обязанности (с 1902 года по 1914-й). Потом воевал с германцем, в Важгорт вернулся уже после 17-го года. И стал снова служить в церкви.

Крестьянин М.П.Ерогодский

Семья у моего дедушки была большая, шестеро детей. Жена его, Анна Артемьевна, была также крестьянского звания. Церковного жалования не хватало, и Михаил Петрович вместе со старшими сыновьями раскорчовывал лес и возделывал пашню. Хотя дедушка был крестьянином, в его доме имелась большая библиотека. Еще он, единственный из односельчан, имел домино, в свободное время принимал у себя друзей и играл с ними в эту игру. В селе его уважали, многие обращались с просьбами написать то прошение, то заявление. Служа псаломщиком, Михаил Петрович имел очень красивый голос и любил петь песни, а также приобщал к этому важгортских ребятишек. Собирал их у себя и учил петь церковные песни.

Однажды он из леса принес для своей дочери Елизаветы, которую очень любил, букетик полевых цветов и сказал: «Это тебе подарок из леса – цветы маргаритки». Потом дочка будет искать эти цветы всю жизнь на лугах, полях, в лесу, но они исчезнут – как исчез ее отец в страшном 1937 году. (Маргаритки действительно исчезли в том районе, это подтвердили нам и другие важгортцы – *ред.*)

Начались гонения на церковь. В колхоз семью Михаила Петровича не приняли и обложили непомерными налогами. Постепенно отобрали корову, лошадь, скарб. Отобрали возделанную им пашню, взамен дав участок непригодной земли. Старшим детям пришлось покинуть родные места,

уехать подальше и навсегда. Брат дедушки, Георгий Петрович, тоже служащий церкви, очень сильно упрашивал уехать вместе всей семьей. Но Михаил Петрович ответил, что не оставит родные места и могилы родителей. Они остались в Важгорте вчетвером: Михаил Петрович с женой и двумя малолетними дочками, без хозяйства, без имущества, без дома. В своем же доме им выделили две комнаты.

Местные власти запретили всякие службы в церкви, и Михаил Петрович в церковные праздники собирал односельчан у себя. Дочерей его после этого вызывали к директору школы и спрашивали, кто к ним приходил и что они делали. На что дети всегда отвечали, что они спали на печке и ничего не слышали.

Когда начали разрушать в Важгорте церковь, дедушка был на поле, заготавливал сено. К нему на участок прибежали односельчане и сообщили о происходящем. Когда он прибежал, то колокол уже валялся на земле, начали сдирать доски. Михаил Петрович уговаривал, умолял, чтоб здание не разрушали, что оно может послужить людям. И он отстоял здание. Но около церкви разожгли большой костер, куда бросали иконы, книги. Некоторые девушки выхватывали из огня иконы и убегали с ними домой. Богоборцы не погнушались вытащить чугунную плиту с могилы отца Михаила Петровича и вместе с колоколом отправили на переплавку. На могиле стоял большой железный крест, который дедушка успел спрятать.

10 августа 1937 года Ерогодский был на сенокосе за 17 верст от села. За ним послали нарочного и вызвали в сельсовет. Оттуда он не вернулся. А ночью, когда дети были одни дома, пришли с обыском. Забрали остатки имущества, все книги и семейные фотографии. Утром с поля приехала жена и, узнав, что мужа забрали, долго

плакала, причитая, что вот, мол, с войны он вернулся живой, а теперь пропадет, и больше его не увидят.

Михаила Петровича и еще несколько человек посадили в телегу чтобы везти в Сыктывкар на допрос. Люди молча стояли и плакали, тайком совали им в руки кто хлеба, кто денег. Жена, дети его никогда больше не видели, ни одного письма от него не получали, ничего о нем не слышали.

Хотя осталась одна больная жена с двумя малыми дочками, никаких налогов с них не сняли, даже оставили «мясной» налог. В семье начался настоящий голод. Одежда так изнасилась, что невозможно было ее штопать. Если сердобольные односельчане приносили им какую-нибудь утварь, на другой же день приходил представитель сельсовета и отбирал. Чтобы Анну Артемьевну не посадили за неуплату налогов, старший сын Вячеслав отправлял из Ленинграда деньги. Девочки просили маму купить хоть немножко хлеба, но все деньги уходили на налоги.

С Отечественной войны, раненный, вернулся младший сын Владимир, хотел жить в родном селе. Но его не брали ни на какую работу как «врага народа». Пришлось фронтовику уехать. Забрал он с собой младшую сестру Евгению. Уговаривал уехать и Елизавету (любимую отцову дочь), но она категорически отказалась. Она все ждала отца или весточку от него. И, как рассказывают, все ходила смотреть на дорогу, по которой увезли отца.

В конце войны умерла жена Михаила Петровича. На ее могиле Елизавета поставила спасенный отцом крест. Через некоторое время крест исчез. Потом она его нашла, он был наполовину кем-то распилен.

Икона, написанная на средства, собранные родственниками

Прошло около тридцати лет. У Елизаветы была уже своя семья. Однажды к ней зашел мужчина и рассказал, что ее отца, Михаила Петровича, почти сразу же расстреляли, как привезли в Сыктывкар. Сейчас уже точно по документам известно – он принял смерть 30 августа 1937 года. Пострадал за то, что не изменил себе, своей вере, не отвернулся от Бога.

После реабилитации отца в 1991 году Елизавета нашла в лесу «исчезнувшие» цветы – маргаритки. Те самые, что когда-то в счастливые годы принес ей из леса отец и которые она искала 60 лет.

Спасенное дедушкой здание церкви до сих пор цело. На раскорчеванной им пашне стоит участковая больница. Бабушки в Важгорте, передавая из поколения в поколение, поют церковные песни, псалмы, которым когда-то учил детишек псаломщик Михаил.

Интересно, что та дорога, по которой увезли мучеников, не зарастает ивой, хотя вокруг все давно заросло. Деревья сверху сомкнулись, как бы образуя туннель. Дочь Михаила Петровича всю жизнь смотрела на эту дорогу, и перед ее глазами возникала одна и та же картина, как под скрип колес и плач односельчан увозят ее отца навсегда.

Не дожидая Елизавета до того счастливого дня, когда ее отец вернулся из небытия, и его звезда воссияла на небе.

Год назад, 10 февраля, в Стефановском соборе г.Сыктывкара совершилось прославление Михаила Петровича Ерогодского в лике святых.

Теперь крестьянин, псаломщик, святой мирянин-мученик Михаил молится о нас.

Д.ЯКИМОВА
внучка М.П.Ерогодского

«МОЙ ДЕД БЫЛ ДОБРЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»

29 ноября на очередном собрании родовой общины потомков священнослужителей г.Сыктывкара внуки и правнуки канонизированных новомучеников Коми вспоминали своих дедов и прадедов. Слушать их рассказы было несколько непривычно, потому что все они – обыкновенные люди, и расстрелянные родственники, по их рассказам, тоже были обыкновенными людьми, хоть и священнослужителями. В то же время они – святые. Будучи служителями Церкви Христовой, они не боялись защищать ее от поругания и уничтожения, будучи пастырями – не боялись заступаться за стадо Христово, спасая людей от голода. Они не отреклись от Христа даже перед лицом смерти.

Римме Максимовне Левановой, внучке священномученика Григория Бронникова, расстрелянного 31 августа 1937 года, сейчас 73 года. По годам она уже пережила своего деда на 12 лет и чувствует себя, слава Богу, хорошо. Сколько бы мог прожить ее дед, если бы его жизнь не была трагически оборвана, сейчас об этом не знает никто.

– Дед мой, – рассказывает Римма Максимовна, – еще до революции

служил псаломщиком и дьяконом в различных церквях Коми края: в Чухломе, Лойме, Вильгорте. А в 21-м году, после рукоположения в священнический сан, он переехал из Вильгорта с семьей в село Селиб. Деда пригласили жители этого села, которые очень хорошо его знали. Там долгое время служил его отец о.Алексей, который умер к тому времени, и они хотели, чтобы сын пришел на смену отцу. Прослужил он в селибской Богоявленной церкви до 36-го года. А в 36-м церковь закрыли, и дед мой остался без работы, а его семья – без средств существования. Большая была семья, несколько детей умерло в младенчестве, в живых же осталось четверо: две дочери, Лидия и Валентина, и два сына – Николай и Алексей.

Моя мама, Лидия Григорьевна, была старшей дочерью и в то время уже жила отдельно от деда своей семьей. Она работала в сельской школе учительницей начальных классов.

Для семьи деда начались очень тяжелые дни. У них несколько раз конфисковывали имущество. Всю утварь домашнюю, всю одежду, все. И вот очень показательный эпизод, о котором рассказала его внучка Агния, которая жила с ним до самого его ареста. К ним дважды приходили отбирать самовар – предмет первой необходимости в семье. Первый раз его выкупила дочь Валентина на последние деньги, а когда второй раз конфисковали, возвращать его было уже не на что. Так семья осталась без самовара. Вместе с имуществом забрали и библиотеку деда. Он был человеком образованным, его библиотека состояла как из церковных, так и из светских книг. При обыске нашли книгу Бухарина, а Бухарин к тому времени был объявлен врагом народа, его книги были запрещены. И, конечно, это тоже было поставлено ему в вину.

В августе 37-го года он был арестован органами НКВД. Прощаясь с родными, он сказал: «Дети, не забывайте Бога!»

Это помнит его внучка Агния, которой тогда было 9 лет. Она на всю жизнь запомнила эту заповедь и всю жизнь верила в Бога. Уже несколько лет она сильно болеет, ей сейчас 72 года, из дома она никуда не выходит, поэтому не могла и к нам сюда прийти. Жизнь у Агнии была трудной: вместо того, чтобы учиться, вынуждена была с 12 лет работать в колхозе конюхом, чтобы прокормить семью.

Дед был арестован, как все наши священники, по 58-й статье, и «тройкой» НКВД приговорен к высшей мере наказания. 31 августа 37-го его расстреляли.

Я познакомилась с материалами судебного дела дедушки в архивах ФСБ. И вот на что обратила внимание. Его обвинили в том, что он хранил у себя контрреволюционно-троцкистско-бухаринскую литературу (ту, единственную, книгу Бухарина, которую нашли), а также в том, что хранил религиозную литературу и переписку антисоветского содержания. И будто бы вел среди населения контрреволюционную агитацию: после закрытия церкви Бронников на своей квартире проводил собрания с верующими и вел с ними антисоветскую работу.

А на самом деле о. Григорий, как и другие священники, хотел одного – чтобы против воли народа не закрывали церкви. А также чтобы крестьян не облагали непосильными налогами.

Прочитала я в деле и его «переписку антисоветского содержания» и никакой крамолы в этих письмах не нашла. Он просто переписывался с несколькими служителями Церкви, они писали друг другу о том, что их беспокоило больше всего: как сохранить Церковь от разрушения и поругания. Почему они это делали? Да потому, что они больше, чем кто-либо другой, понимали, что атеизм – это дорога в никуда, что именно православие на Руси веками формировало души людей, воспитывало нравственность, а в смутные времена спланивало народ и вдохновляло на

ратные подвиги. Поэтому они и стояли стойко за Церковь, против ее разрушения.

Читая в судебном деле протокол допроса, я поняла, что мой дедушка был очень мужественным и стойким человеком. В самые трагические минуты своей жизни он вел себя достойно, не оправдывался, не просил помилования. Он твердо стоял за свои убеждения, мужественно отстаивал Церковь от поругания и право человека на свободу вероисповедания. Причем ссылался на советскую Конституцию: «В советской Конституции записано, что человек имеет право на свободу вероисповедания, так почему же закрываются церкви, почему священников сажают в тюрьмы?» Он как бы уличал власти в лицемерии. За это его и расстреляли.

Многие его внуки, в том числе и я, узнали о его жизни совсем недавно. Наши родители, его дети, боялись нам что-нибудь рассказывать о своем отце. Те внуки, которые жили вместе с ним в Селибе, вспоминают, что дедушка был очень добрым человеком. Заботился о родителях, часто их навещал. Нередко привозил детям гостинцы, и его приезд для всех был праздником. Агния рассказывает, что дедушка был требовательным, но в то же время добрым, никогда не кричал на детей, пытался все спокойно объяснить. Не любил пустого времяпрепровождения. Требовал, чтобы дети постоянно работали по хозяйству или читали книги. В доме всегда был порядок. В семье воспитывалось уважение к труду и хлебу. Бросить хлеб на пол считалось великим грехом.

Мама рассказывала, как она в 9-летнем возрасте ездила с дедом на лошадях поступать в Великоустюжское епархиальное училище. Она забрала с собой целую коробку конфет, которую ей до этого в разное время надарили близкие, не поделившись сладостями с младшими братьями и сестрами. Это были для нее самые дорогие подарки, она

любила перебирать конфеты, как игрушки, – из-за красивых фантиков. Дорога до Великого Устюга была длинной, проезжали много деревень. При въезде в деревни их встречали ватаги ребятишек, которые бежали вслед за тройкой лошадей. Дедушка доставал из баула эту коробку конфет и бросал пригоршнями ребятишкам к их великой радости, так что к Великому Устюгу почти ничего не осталось. Может быть, этим поступком отец давал дочери урок, что делиться с другими надо самым дорогим.

Такое воспитание не прошло для детей бесследно. Все они выросли трудолюбивыми, обязательными, скромными.

Когда я после окончания средней школы поступала в педагогический институт, моя мама принимала у меня экзамены по русскому языку и литературе. Она сама составляла темы сочинений, но мне не сказала ничего о них, даже не назвала писателей, по произведениям которых будут сочинения. И я сдавала экзамены наравне со всеми.

Я выросла, так и не зная своих дедушки и бабушки, ни разу не увидев своих дядей. Жизнь после расстрела деда всех разбросала в разные стороны. Родовой дом был разорен.

Записал

Е.СУВОРОВ

*На снимке: Крест в память мучеников,
установленный возле Св.-Казанского храма
г.Сыктывкара*

КИКЭ ЕПЭ – РУССКИЙ СВЯТОЙ

*О новомученике Ефиме Кочеве, его потомках
и селе Вильгорт*

Русские жития мало походят на греческие или римские первых веков.

Там – герои, пламенеющие от желания пострадать за свои убеждения. Здесь принимают смерть молча и терпеливо, как солдаты. Там – порыв, который

невозможно остановить. Здесь оборона, которую не прошибить никакими силами. Городских жителей потеснили в списках гонимых за веру крестьяне и выходцы из крестьян. Так много отличий, но в тома святцев угодников вносят не по столетиям, а по месяцам. В этой книге живых рядом могут оказаться имена первомученика Стефана и человека, который качал кого-то из нас на руках или мечтал дожить до нашего рождения. 19 декабря – день памяти новомучеников, убитых на Коми земле. На иконе, которая уже написана, – епископ, монахиня, несколько священников и староста Сретенской церкви в Вильгорте св.Евфимий. Ефим Петрович Кочев – так звали его по-русски, Кикэ Епэ – по-коми.

Дедушка

Сведений о св.Евфимии почти не сохранилось, да и было немного. Единственный человек, который помнит Кикэ Епэ, – его внук Сергей Михайлович Кочев, автор простых, прекрасных воспоминаний, где он описывает своих родных, село Вильгорт, довоенный Сыктывкар. Воспоминания нигде пока не напечатаны. Передо мной лежит папка с 39 листочками. Первая глава «Моя родословная» начинается словами: «Мой дедушка по отцу, Кочев Ефим Петрович, 1867 года рождения, прожил на свете 70 лет и умер неестественной смертью. Он был невысокого роста, лысоват, но имел приятные черты лица: прямой тонкий нос, высокий лоб, лицо его украшала шикарная борода. По характеру он был спокойный, общительный.

Его жена, моя бабушка, Кочева Екатерина Григорьевна была физически крепкой, строптивой по характеру женщиной, которая хорошо относилась лишь к своей родне и священнослужителям. Проживали Кочевы в селе Вильгорт.

Пожились они в 1884 году, когда дедушке было 17 лет,

а бабушке 19. В 1886 году у них родился первенец – Михаил, мой отец. Начинали свою семейную жизнь дедушка и бабушка в крайней бедности. Об этом говорит тот факт, что для варки пищи у них имелся всего один котел, да и тот с лопнувшим краем.

Дедушка мастерил туеса, понемногу столярничал, а начиная с 1900 г., принимал участие в ямных перевозках. Благодаря трудолюбию и смекалке четы Кочевых к концу XIX века они имели уже довольно не бедное хозяйство: лошадь, две коровы, приличный дом со всеми хозяйственными пристройками. Они вырастили пять дочерей и троих сыновей.

На склоне лет, в начале 30-х годов, пристрастились они к церкви и делали большие пожертвования. В 1936 году дедушка был избран старостой вильгортской Сретенской церкви, что и привело к его гибели. В 1937 году Вильгортский сельсовет под надуманным предлогом решил закрыть церковь. Однако дедушка, не понимая тогдашней обстановки, решил принять меры к сохранению церкви. Он стал собирать подписи прихожан...»

* * *

Сбор подписей был признан вызовом революции. «Посадил дедушку Кузиванов, наш сосед, начальник местного НКВД, – рассказывает Сергей Михайлович. – Тогда много стариков убили. Только из Вильгорта было расстреляно пять человек, по всем деревням брали».

Это все или почти все. Десять лет назад Сергей Михайлович прочел дело № 4338, заведенное на его деда. На одном листе опись имущества: демисезонное пальто и бутылка кагора. На последнем листе – акт о расстреле. Имена судей отсутствуют. Даже тогда, в 36-м году, эти люди боялись своего народа. Они безымянны, как злые духи, среди которых лишь немногие имеют клички, а прочие носятся в воздухе, словно клочья сажи.

* * *

**В центре Ефим Петрович Кочев, справа его супруга
Екатерина Григорьевна,
слева Михаил Ефимович с сыном Сергеем**

Мы сидим с Сергеем Михайловичем у него дома. Он оправдывается, что мало может поведать о деде.

– Мы, коми, такие, – поясняет Кочев, – сдержанные. Раньше даже не здоровались. При встрече спросит один другого что-нибудь вроде:

- Дядя Иван, куда едешь?
- В лес по дрова.

И все.

Сергей Михайлович говорит, что дедушка очень любил людей: «Он был святым человеком, таких на свете мало. Отец мой был не таким».

«Он был добрый» – эти слова повторяются за время нашего разговора несколько раз. Защищал Сережу, радовался ему, как никто, наверное, не радовался. Время от времени мать (одна из создательниц колхоза, член ВКПб) посылала мальчика к деду попросить денег «взаймы» (без отдачи). Отказов не было.

Казненный много лет назад старик так и остался для своего внука лучшим человеком на земле.

* * *

После войны Сергей Кочев некоторое время возглавлял горком комсомола Сыктывкара.

– Почему вы вступили в партию, зная, что случилось с дедом? – спрашиваю я.

– Это было на фронте, в 44-м году, – объясняет Кочев.

Вскоре его хлестнуло взрывом по лицу. В госпиталь лейтенанта привезли с глазницами, полными осколков. Из одного глаза их вынули, зрение частично восстановилось. В другом, невидящем, и сейчас сидит железо.

Поэтому горкомом комсомола руководил недолго – болели глаза. И еще было больно за деда, за тетку, погибшую в лагере, и ее расстрелянного мужа, за сестру, отсидевшую несколько лет за невинную шутку. Ушел. Стал преподавателем в пединституте, возглавляя кафедру математического анализа.

Всю жизнь пытался стать похожим на деда. И слова о партийности – «на фронте вступил» – значат в его устах больше, чем кажется. Потому что не шибко когда гнул, и в Особом отделе был на особом счету за то, что в 42-м году в разговоре с товарищами-офицерами предсказал провал наступления под Харьковом.

Иногда заходит в церковь. Его дочь стала по-настоящему верующим человеком, в этом угадывая, быть может, устремление своего отца, мучительно себя и свое время преодолевающего.

* * *

Бабушка Екатерина Григорьевна была несколько иным человеком, тоже добрым, но ей было трудно себя сдерживать, когда видела неправду. Потом раскаивалась. Очень боялась грехов, особенно обидеть кого-то, дурное слово сказать. Всем сердцем верила в Бога, сражаясь со своим характером. Жили они до гибели Кикэ Епэ 53 года, уже и золотую свадьбу отпраздновали, а так ни разу и не поссорились. Уважая друг друга, во всем – и в работе, и в

вере – старались держаться вместе.

До последнего Кикэ Епэ много работал. Сергей Михайлович хорошо запомнил, как дед туеса делал.

За березой для них дед ходил с сыновьями в лес, выбирая определенное время, когда сок березы загустевает, становится непригодным для питья. Работа это тяжелая. Надо выбрать нужное дерево, от этого зависят объем и размер туеса. Затем повалить березу так, чтобы комель не со рвался с пенька, и оголить до древесины колечками шириной 3-5 сантиметров. Клинышком отделить каждый берестяной цилиндр от дерева, толкая клин между ними. Отделенный цилиндр должен свободно вращаться вокруг ствола. Его снимают, протаскивая через верхушку дерева.

В последний раз Сережа видел деда на Петров день. Ефим Петрович скорбел, что на церковь отдельные товарищи стали косо смотреть. Говорил, что ему очень хочется сохранить вильгортскую церковь.

16 или 18 августа за ним пришли.

Когда провожали, Ефим Петрович сказал, стараясь успокоить родных:

– Меня скоро выпустят, я ничего плохого не сделал.

Дочери, Августа Ефимовна (Густя) и Анна Ефимовна, пытались выяснить, что с ним. Очень убивались об отце. И какая-то женщина, работавшая в тюрьме, сказала Августе:

– Вашего с бородой посадили, наверное, расстреляют.

Однажды Густя подозвала Сережу к окну и показала: «Вон видишь человека. Это агент ходит».

Больше о дедке ничего не слышали. Лишь в 1991 году, разбирая дело № 4338, Сергей Михайлович узнал, что Ефим Петрович Кочев был расстрелян 19 сентября, через месяц после ареста.

Отцы и дети

На этом, собственно говоря, материал можно было бы и закончить. Но есть одно обстоятельство, без которого нам не

понять причин гибели Ефима Кочева.

Среди восьми детей Кикэ Епэ ни одного верующего. В лучшем случае сочувствовали. Сергей Михайлович объясняет это тем, что почти все они рано, лет в 15-16, покинули дом, отправляясь на поиски работы.

Я много раз слышал, что самым тяжелым испытанием для верующих было неприятие их родными, близкими, соседями. Не чужой человек велел арестовать Кикэ Епэ, а сосед-односельчанин. Из-под ног русских христиан ушла, обрекая их на истребление, та почва, на которой они стояли – их дети, вершившие дела в стране.

Не хочу выносить здесь приговоры. Да и не могу, потому что жалко, горестно узнавать, как складывались судьбы этих несчастных, выпавших из гнезда птенцов, так и не сумевших взлететь.

* * *

Самой яркой личностью среди детей Кикэ Епэ была, конечно, Елена Ефимовна Чекурская-Воронкова. В юности уехала в Киев, стала отличной белошвейкой. Замуж вышла за большевика. Когда его в начале гражданской войны расстрелял белый отряд, сама увлеклась партийной работой, была одной из руководительниц женского коммунистического движения в Усть-Сысольске. Воевала на польском фронте, где была ранена, а перед тем второй раз вышла замуж – за полкового комиссара Воронкова.

Люди были довольно хорошие. Племянника Сергея Кочева, по его словам, они всегда принимали в Вологде как родного сына. Своими детьми так и не обзавелись. В 38-м году комиссара Воронкова казнили. Елена Ефимовна погибла в тифозном бараке лагеря АЛЖИР (Актюбинский лагерь жен изменников родины).

* * *

Не менее трагично сложилась судьба Михаила Ефимовича, хотя он умер в своей постели и никогда не

подвергался аресту.

Я спросил:

– Сергей Михайлович, как восприняли весть об аресте Ефима Петровича ваши родители?

– Мой отец, старший сын Ефима Кочева, не очень его уважал. Он был богохульником, и они не сходились по характеру. Отец сказал мне просто: «Дедушку посадили». Мама отреагировала очень спокойно. Кто-то из них, правда, обронил: «Зря посадили, он никому ничего плохого не сделал».

Дальше я приведу отрывки из воспоминаний Сергея Михайловича об отце:

«От своих тетушек я слышал, что в молодости Миша пользовался большим успехом у девушек, был самым веселым парнем в деревне...»

Воевал он на румынском фронте. Когда вернулся домой, то вся жизнь в стране уже вышла из колеи. И он, Михаил, вместе с ней:

«Соседи рассказывали, как отец за три литра водки перенес однажды пятипудовый мешок с сахаром от пристани города до местечка Париж.

Не могу объяснить почему, но любил он только себя. Даже за столом ел самые лучшие куски, не обращая на нас никакого внимания.

В 29-м году у нас дома случилась беда: развалилась кладка хлебных снопов. Отец в то время работал в городе – строил дом сестре Анне Ефимовне. Мать посадила меня верхом на лошадь и отправила в город. Мне было тогда 9 лет. На обратном пути на лошадь сел отец, а я бежал за ним более семи километров.

В 1930 году мать завела нашу семью в колхоз. Первые два года отец там держался, он вообще быстро осваивал механизмы, работал на сенокосилке, молотилке. Но потом стали выдавать на трудодень по 400 г хлеба, и отец решил

работать сам по себе – плотничать, столярничать. Почти каждый день напивался до чертиков, но никогда не терял разума.

В 1936 г. в нашей семье случилось несчастье – мать Мария Ивановна, окончив Совпартшколу, была направлена на работу в с.Мордино, где через год вновь вышла замуж. С собой взяла младших детей – брата Николая и сестру Наталию. Нас с отцом осталось пятеро – я и четыре сестры.

После этого запои отца стали еще продолжительнее. Часто он, пьяный, шел по главной улице райцентра, мимо райкома партии и райуправления НКВД и, высоко поднимая огромные кулаки, кричал: «Коммунисты все... и ...!» Однако начальство считало, что он ругает не их, а свою жену».

Характер Михаила Ефимовича довольно живописно проявился в такой истории:

«В Вильгорте летом 1938 года разгуливал породистый баран величиной с крупного теленка, с крепкой шеей и большими рогами. Обычно по утрам он стоял при входе в хлебный магазин. Пропускал людей свободно, но выходить разрешал только тем, кто его угощал. Иначе все, а особенно женщины, могли испытать си лу его рогов на своем заднем месте.

Так вот однажды, после обеда, в хороший летний день баран лакомился травкой на лужайке возле нашего дома. Я смотрел в окно. Вижу: подошел отец, как обычно, пьяный, встал на четвереньки и пошел на барана. Баран сначала не обращал никакого внимания, но после отцовской матерщины он пошел в наступление. Хорошо, что удар пришелся отцу не по голове, а по плечу. Он виновато поднялся и побежал к дому. Плечо болело довольно долго.

Рассказывать о проделках отца можно много. Вот, например, такой случай. Осенью 1946 г. мы с женой были в Вильгорте, а затем пешком пошли в город. С нами был и отец, причем весьма навеселе. В городе его еще сильнее

развезло, и он, ударяя себя в грудь, стал на всю улицу кричать: «Я самец!» Он полагал, что это слово одинаково по смыслу со словом «герой». Встречные женщины только улыбались.

Умер отец в 1962 году...»

* * *

Какая-то обида на отца осталась у Сергея Михайловича по сей день. Он словно всю жизнь бежит за ним, как тогда, в детстве. Рассказывает грустно:

– Постоянно вижу его во сне, но он почему-то не хочет со мной поговорить, не очень дружески воспринимает. И сегодня видел – как будто убегает от меня все время.

Раз за разом пытается ухватиться за хорошее: вспоминает, например, как они на рынок вместе ездили, за берестой в лес ходили. И всякий раз слова обрываются:

«Помню, еще в совсем малом возрасте отец поднимал меня на колокольню, держа левой рукой у груди, правой рукой качал язык большого колокола и звонил. Впоследствии на мой вопрос, зачем он это делал, отец ответил, что звон лечит от многих болезней и в первую очередь от психических заболеваний».

– Говорят, если умерший человек часто снится, это значит, что он просит наших молитв, – говорю я Сергею Михайловичу.

– Надо молиться, – повторяет он, пытаюсь вспомнить, как делал это дед – святой Ефим Вильгортский.

Вильгорт

А Сретенский храм все-таки уничтожили, как сокрушили тело его последнего защитника. «Задушили звон душевный колокольный», – скорбит Сергей Михайлович Кочев.

Эта боль всенародная заставила в свое время академика Фаддея Шипунова изучать голоса погибших церквей. Он, используя чуткие приборы, пришел к удивительному открытию. Звоны давно переплавленных колоколов

продолжают звучать и в наши дни. Просто мы их не слышим.

Церковь стояла посреди Вильгорта, напротив школы, построенной по проекту архитектора Альберти.

«В звоннице были четыре больших и около десяти маленьких колоколов, – пишет Сергей Михайлович. – Большой колокол весил 160 пудов, что было даже выгравировано на нем. Звон его был слышен в радиусе 6 км, расположен он был в центре звонницы и подвешен на двух толстых брусках. Звонили из всех колоколов обычно два звонаря, один из которых раскачивал язык большого колокола.

Все постройки села Вильгорт, кроме церкви, были деревянными. Многие имели праздничный вид».

* * *

Расположен Вильгорт (Выльгорт – так почему-то пишут это название сейчас в Коми) на тракте Сыктывкар – Киров и тянулся прежде вдоль дороги более чем на 5 километров. Село описано в воспоминаниях Кочева подробно, с любовью: «Состояло оно более чем из десяти деревень. Как была устроена жизнь (имеется в виду до коллективизации, – **В.Г.**)? Каждый крестьянин имел свой участок пашни и сенокосные угодья – райские места летом. Пахали, используя сохи с железным лемехом. Женщины почти всю зиму ткали холсты на самодельных ткацких станках.

На речке Вежалью были небольшие водяные мельницы, построенные жителями села, они обслуживали все хозяйства. Плата за помол бралась натурой, а если намол составлял всего один мешок, то плату зачастую не брали.

В селе насчитывалось около 400 дворов, значит, приблизительно проживало в нем 1500 жителей.

Как и в других коми селах, в Вильгорте люди называли друг друга не так, как писалось в паспорте, а по-своему. Каждый род имел особое наименование. Например, Каля

Мишка означало – Михаил из рода Каля (Кулик), Сизь Васьэ – Василий, относящийся к роду Сизь (Дятел).

Почти в каждом дворе было по несколько коров и лошадей (до коллективизации). Вильгорт отличался от других сел своими мастеровыми. Так, Грезд и Ветьэ в Грезд славились своими кузнецами. Кузни были расположены вдоль речки Грезд шор. Мастера ковали телеги и разный хозяйственный инвентарь: ножи, косы, шарниры и т.д. Славились кузнецы Гурей Иван, Лизэ Паньэ и Лизэ Ваньэ, Педот Микул».

В деревне Вичкодор были хорошие гончары. В деревнях Ляпыд и Вичкодор столяры, краснодеревщики мастерили сундуки, мебель, обеспечивая ими все деревни, расположенные на Сыsole и Вычегде, а также город.

Жители Съэла Пиян занимались выделкой шкур, а в деревне Дав жили хорошие печники.

Еще вильгортские делали гармошки, а имя мастера по изготовлению балалаек и домбр Семена Налимова гремело по всей России, на выставках в Петербурге и Париже его инструменты были удостоены большой и малой золотых медалей. На них играл знаменитый ансамбль народных инструментов Андреева.

* * *

До 1929 года в Вильгорте по-настоящему отмечали церковные праздники. «Особенно мне нравились пасхальные дни, – пишет Сергей Михайлович, – тогда бабушка мне дарила яичко, больше же я яиц в течение года не видел. Колоколья была в эти дни открыта, и звонил каждый, кто хотел. Колокола гудели все дни пасхальной недели. В школах были каникулы, кажется, до 1927 или 1928 года».

Сергей Михайлович Кочев
1946 год

В Якоще, кроме Пасхи, значительным событием было празднование Ильина дня. Хотя работы по хозяйству было много, народ в этот день не работал. С утра люди шли в церковь, где шло богослужение и всех угощали вареным мясом. В каждом доме делали самодельное пиво (сур) из солода, имевшего небольшую крепость. Из еды на столе были мясной суп, черинянь (рыбник), кисель и т.д.

Обычно приходили гости из других деревень и из города. После обеда начиналось гулянье. Молодежь ходила по деревне с песнями, были пляски, а вечером – драки. Подвыпившие молодые люди шли косяками один на другого, применяя при этом косы, вилы, а в большинстве своем – жерди. Обычно были и несчастные случаи. Каждый раз приезжала конная милиция. Но, как правило, каждый раз кого-то забивали до смерти.

В 1929 г. запретили звонить в колокола, а в 1936 г. церковь вообще закрыли и разграбили, не оставив ничего внутри. В следующем же, 1937 году, сбросили колокола, шпиль с крестом. Колокола разбили на кусочки и отправили на завод для переплавки. Пожилые женщины приходили к большому колоколу, плакали и целовали его.

* * *

При раскулачивании пострадали немногие – десять дворов разворотили. Дальше стало хуже – в колхозах остались старики, женщины, дети. Мужчины подались на

заработки, чтобы спасти свои семьи от голода (в то время прилавки магазинов в Сыктывкаре ломались от деликатесов, например, от тушек семги весом в 5-6 килограммов; цвет красной рыбы гармонировал с убеждениями партийных и общественных деятелей). Не знали мужики, что обратно большинству из них не вернуться...

«Если бы не Сталин, а другой, более умный и спокойный, человек руководил страной, – замечает Сергей Михайлович, – то не было бы в войне таких огромных потерь. В моем родном селе Вильгорт погибли на фронте 396 человек».

Старики старше 55 лет были мобилизованы в трудовые лагеря, где большинство из них умерло от голода. После войны вдовы фронтовиков повыходили замуж за власовцев, бендеровцев, которые после срока в лагерях селились на высылке в Вильгорте».

* * *

«Дома дедушкиного уже с 58-го года нет, – говорит Сергей Михайлович. – Я летом иногда там бываю, вспоминаю дедушку, бабушку. Там очень красиво, речка рядом».

Только музыка осталась неизменной. Неслышно звонят колокола. Почти зримо возвышается над селом фигура св.Ефима, вымаливающего родное место у Бога. Он такой при жизни был и едва ли изменился.

Послесловие

В тот год, когда убили Кикэ Епэ, его любимого внука Николая Оплеснина, сына Анны Ефимовны, забрали служить в войска НКВД.

Мы не знаем, насколько тяжело было Николаю с этим смириться. Ведь дед его вынянчил, они были очень привязаны друг к другу. Сергей Михайлович вспоминает, как Коля зимой часто прибежал в Вильгорт на лыжах.

Едва вернулся из армии, как его снова призвали. На этот раз командиром пулеметного взвода в общевойсковой части. В 41-м ее перебросили под Ленинград, где старший лейтенант Оплеснин спас свою дивизию. Три раза переплыл ледяной Волхов, поддерживая связь с основными силами армии. Коми земля дала много героев, но Золотая звезда Героя Николая Оплеснина не имеет равных. Здесь никого не чтят больше.

Он мог уцелеть. Однажды приехал в Сыктывкар на побывку и получил приглашение работать в органах. С трудом сдерживая себя, Оплеснин отказался, а вернувшись домой, сказал жене:

– Не хочу служить тем, кто убивает безвинных людей.

Они были с дедом одно й крови, одного духа. И ушли след в след – великодушные, чистые люди. Такими запомнились.

* * *

Бабушка Екатерина Григорьевна внутренне словно умерла после ареста Кикэ Епэ. Молилась и помнила. У нее в гостях часто можно было увидеть священников, монахинь. Жила, «дорастая» до мужа, такая же молчаливая, как водится это у крестьян.

Незадолго перед кончиной увидела чудесный сон. Будто идут они с Ефимом Петровичем по цветущему полю на какую-то работу, идут и разговаривают.

В.ГРИГОРЯН

ПОД УДАРАМИ БОГОБОРЦЕВ

Большая семья по нынешним временам – это удивительно. Но вполне соразмерно нашей большой стране, которую мы, россияне, до конца ещё не заселили и не освоили. В начале XX века ожидалось, что это произойдёт к 1950 году, когда в стране станет 450-500 миллионов человек. Существовавшие темпы прироста

населения по пять-шесть миллионов в год вполне это допускали, страна естественным образом развивалась – пока не случилось то, что иначе как геноцидом русского православного народа не назовёшь. Даже во время Великой Отечественной войны, когда страна несла тяжёлые потери на фронтах, маховик истребления православных не останавливался.

Перед вами судьба обычной священнической семьи, в которой было девять детей. Глава её, иерей Фаддей Смирнов, был расстрелян в 1937 году, а матушка Пелагея – в 1942 году. Трагически сложились судьбы и некоторых детей.

Вины не признал

«Вторично обращаюсь к вам с просьбой, – писала из г.Люберцы Московской области в 1989 году в прокуратуру Коми АССР Фаина Фаддеевна Терехова. – Сообщите мне место казни и захоронения моего отца Смирнова Фаддея Дмитриевича. После его ареста мы два года добивались истины: что произошло с отцом, что с ним стало после ареста. Обещали сообщить, когда вопрос будет решён, но так и не сообщили... По неофициальным слухам, отца

расстреляли где-то около Корткероса. Убедительно прошу вас сообщить дату и место казни, а также место захоронения. Я никаких претензий предъявлять не буду. Дело прошлое, и я уже немолодая, но должна знать истину. Истина важна и моим детям, которые хотели бы отдать последний поклон своему дедушке на его могиле. Ни злобы, ни ненависти не имею. Мой отец учил добру и всегда говорил: “Не помните зло, умеете прощать”, и я следую его советам...»

Выяснить, где находится могила священника, дочери так и не удалось. Память о нём хранят только архивные документы.

Фаддей Дмитриевич Смирнов родился 13 августа 1884 года в Чебсарском районе Вологодской области в русской крестьянской семье. Обучался грамоте в Домшинской (Шекснинский район) церковно-приходской школе. После окончания Вологодского Духовного училища был направлен псаломщиком в село Покчу на Печоре, где стал служить при Казанской единоверческой церкви.

1918 год стал для большого семейства роковым. Был голод, свирепствовал тиф. После родов умерла супруга священника, Елена Павловна, а он, 32-летний мужчина, остался с шестью сиротами на руках. Старшему было 10 лет, а младшему – шесть часов от роду. Священник решил вернуться на родину, на Вологодчину, но по дороге, как потом рассказывала его дочь, «в силу военных и денежных обстоятельств» он остановился в селе Додзь Корткеросского района. Там был поставлен настоятелем в местном храме. Многодетному батюшке дали в помощницы местную верующую крестьянку, активную прихожанку храма Пелагею Потапову. Она помогала ему прокормить эту ораву в шесть ртов, дать хорошее православное воспитание, а позже вышла за него замуж, родила ещё троих сыновей.

Первый раз отца Фаддея арестовали в 1930 году. Обвинили по статье 58/10 (контрреволюционная агитация), но освободили до суда за недостатком доказательств вины. Вновь забрали 5 сентября 1937 года и отвезли в Сыктывкарскую тюрьму НКВД. Шёл «великий террор», и обвинение состряпали очень быстро. К делу приобщили донесение односельчанина Р. О. Кузиванова, который написал в НКВД, будто священник агитирует против организации в колхозах МТС и вообще использования тракторов, при этом «угрожает расправой над представителями местной власти». Обвинения были настолько абсурдные, что не удовлетворили даже НКВД. Потребовались ещё показания, и, видимо под нажимом, их дал житель соседней деревни Визябож Николай Степанович Старцев, 1903 г.р., член ВКП(б): «Когда по постановлению общего собрания граждан Додзи и Визябожа и утверждению облисполкома, церковь в Додзи была закрыта, поп Смирнов Ф. Д. стал ходить по деревням Додзи и Озёл и совершать религиозные обряды. Когда я его вызвал в сельсовет и запросил, имеет ли он право на совершение религиозных обрядов, на это он мне ответил, что, если ты отдашь всё, что отобрали в церкви, мы будем говорить с вами потом, когда падёт советская власть... Свою контрреволюционную работу вёл через Потапову Пелагею Александровну. До прихода в Додзь служил священником на Печоре, в 1918-19 гг. там было восстание против красных, там участвовал и поп Смирнов».

Последнее утверждение, ничем не доказанное, дало возможность богоборческой власти решить «проблему» одним махом. По постановлению «тройки» НКВД (Выжленцов, Галищевский и Подшивалов) отец Фаддей был расстрелян через восемь дней после ареста, 13 сентября 1937 года. Вины своей на допросах он не признал.

За что?

На момент ареста о. Фаддея у его семьи, как было записано в анкете арестованного, имелись дом со двором, лошадь и две коровы. 50-летняя Пелагея, будучи инвалидом, осталась одна поднимать малых детей. Работать в колхозе по состоянию здоровья не могла, и ей, как единоличнице, оставили одну бурёнку, обложив госпошлиной в 123 кг мяса и 172 кг картошки. Но откуда было взять бедной, больной женщине столько мяса и картошки, если и своих детей нечем было кормить?

За неуплату госпошлины 6 сентября 1940 года её и арестовали, осудив на год. Пелагея Александровна отбывала наказание в колонии Верхнего Чова, расположенного в 15 км от Сыктывкара. Прошёл год, уже шла война, но эту простую коми женщину, вдову и единственную кормилицу своих детей, из тюрьмы не выпустили. 17 ноября 1941 года её приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. За что?

Узнав о страшном приговоре, она подала кассационную жалобу: «...Я была дочь бедных крестьян, пошла в прислуги... Жили мы до 1940 года, пока меня не осудили за неуплату мясопоставок. Я не имела ни земельного надела и в хозяйстве никакого скота не имею. Корова была отдана в колхоз в счёт уплаты налогов за 1937–38 годы. А потом не могла уплачивать, сама инвалидка III группы, освобождена от физического труда. Я отбывала срок в Верхнечовской ИТК и наново осуждена 17 ноября 1941 года к высшей мере наказания. Приговорена Верховным судом Коми: будто я говорила не выходить на работу. Я об этом ничего не говорила. Я сама работала в Верхнечовской ИТК: в сентябре на сельхозработах, в октябре-декабре на дровопилке. Потом моего здоровья не хватило, весной опять на вениках работала, всё время была на работе. Свидетели доказывают, будто я говорила, что лучше было до революции. Если бы лучше было, то не пошла бы по

прислугам. При советском строе лучше, всё это клевета. Никогда я контрреволюционно не агитировала и напрасно меня склеветали. Знамировского я даже не знала никогда. Прошу меня освободить от высшей меры наказания. 24. XI. 1941 г.». Этим оправданиям не вняли. К расстрелу вдову священника приговорили «за участие в контрреволюционной группе», которую якобы возглавлял епископ Стефан (Знамировский). Хотя владыку и ещё двоих «соучастниц контрреволюционной группы» матушка Пелагея увидела только в тюрьме и единственная «вина» православной зырянки была в том, что иногда с ними, соузниками, молилась, матушку расстреляли вместе с епископом, как было принято, под покровом ночи – в 1 час 10 минут 18 марта 1942 года. В акте о приведении в исполнение приговора указано, что «трупы зарыты в земле в специально отведённом месте».

Судьба детей

Письмо дочери священника, Фаины Фаддеевны, с которого мы начали эту публикацию, для сыктывкарского краеведа Анны Георгиевны Малыхиной стало ниточкой, которая помогла узнать об участии семьи Смирновых. В письме в прокуратуру Фаина Фаддеевна, которой было уже за 80 лет, писала: «Я счастлива тем, что на склоне лет наконец-то дождалась того, что восстановлено доброе имя моего отца и многих других безвинно пострадавших... Я прожила в Коми без малого 29 лет. Родилась в с. Покча Троицко-Печорского района в 1909 году. В 1926 году окончила школу II ступени в городе Сыктывкаре. Народ ваш очень уважаю, если он сохранился в той же душевности, скромности и порядочности, каким был в те годы. Жили мы тогда по принципу: “Все за одного и один за всех”. Брат Павел, 1932 года рождения, с двух лет взят нами на воспитание, окончил Московский авиационный институт. Работает в городе Жуковском ведущим

конструктором ЦАГИ имени Жуковского...»

Разыскать адрес Павла Фаддеевича не составило большого труда – ведь он известный человек. Краевед написала ему письмо, в котором попросила рассказать о себе и о том, что он помнит о своих родителях. Вскоре пришёл ответ: «Уважаемая Анна Георгиевна! Я получил ваше письмо! Ну что на это ответить? Спасибо за сочувствие по отношению к моему отцу Фаддею Дмитриевичу и матери Пелагее Александровне. Спасибо за приглашение посетить мемориал и почтить день памяти. Дело вот в чём. Все мои близкие родственники – родные братья и сводные (от первого брака отца) – поумирали. Остался в живых я один в возрасте 78 лет, инвалид после неоднократных инфарктов. Поэтому помочь ничем не могу: нет у меня ни фотографий, никакой документации. После ареста родителей в 1940 году мы бежали из Додзи (мне шёл 8-й год, старшему брату, Александру, было 14 лет, Владимиру – 11). Владимира с тех пор потерял навсегда. С Александром встретились уже после войны, он успел повоевать. Я был выловлен милицией и попал в детский дом в посёлке Расью Корткеросского района. Такая вот насмешка судьбы. В 1947 году я с помощью милой молоденькой воспитательницы вместо ремесленного училища в Корткеросе пошёл пешком в Москву. Очень удачно! Работал и учился. Выправил документы, служил в армии. Потом опять работа и учёба. Окончил МАИ. Где-то в 70-х годах мы с братом совершили поездку по родным местам: в село Додзь, посёлок Расью. Посетили развалины детдома, село Корткерос. В Додзи видели разрушенный родительский дом. Одно расстройство, очень тяжело вспоминать. Такие вот дела... Прошу прощения, Анна Георгиевна, за сумбурную и неаккуратную писанину. Расстроился».

Вскоре после этого Павел Фаддеевич умер. Но совсем

недавно Анна Георгиевна получила письмо от его супруги: «Добрый день, уважаемая Анна Георгиевна! К вам обращается Смирнова Анна Васильевна – жена Павла Фаддеевича, которого мы потеряли 10 марта 2008 года. О вашем письме я узнала после его смерти. Он был последним сыном Фаддея Дмитриевича, которым вы интересуетесь. Александра Фаддеевна, Фаина Фаддеевна, Александр Фаддеевич, который жил в Херсоне, – все ушли от нас. От него сейчас остались внуки, внучки и правнуки. Дочка Александры Фаддеевны Елена Андреевна – учитель математики в московской школе. Вот у её сына – внука Александры Фаддеевны – я и нашла семейное фото Фаддея Дмитриевича.

На семейном фото можно узнать Фаину Фаддеевну, старшую Марию и светленькую Александру. Кто на руках у Елены Павловны, первой жены священника, я не знаю, но из их сыновей видела одного Сергея... Саша и Павлик ездили в гости к своей сестре Марии и брату Сергею в Вологду. Об их семьях я ничего не знаю. Ну вот и всё, чем я могу вам помочь. Теперь вы воочию на фотографиях можете увидеть наследников Фаддея Дмитриевича, а их много. С уважением к вам – Анна Васильевна. 18.03. 2009».

Когда я знакомился с этими материалами, предоставленными А. Г. Малыхиной, то невольно ком подкатил к горлу. Сейчас многие люди, в том числе и из церковной среды, с ностальгией вспоминают советское время. Да, есть что вспомнить и чем гордиться. Но разве можно забыть о геноциде народа, длившемся примерно до 1950 года – того самого года, в котором, как ожидалось, население России должно было вырасти до полумиллиарда душ. История большой семьи Смирновых, в которой родителей расстреляли, а детей рассеяли по всей земле, – это история нашей истерзанной православной Руси. И её предстоит отстроить заново.

Евгений СУВОРОВ
На снимке: семья о. Фаддея.

Оглавление

Две радуги в виде креста (о Димитрии Спасском) -	1
На высоком берегу (о Всеволоде Потеминском) -	8
Важгортские маргаритки (о Михаиле Ерогодском) -	20
Мой дед был добрым человеком (о Григории Бронникове) -	25
Кике-Епэ – русский святой (о Евфимии Кочеве) -	30
Под ударами богоборцев (о Фаддее Смирнове) -	46

